

## ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации ЧУГУНОВОЙ Ксении Сергеевны «Языковые особенности идиостиля в художественной прозе Дмитрия Емца» (Воронеж – 2017), представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык

Проблемы изучения индивидуального стиля писателя на протяжении многих лет, несомненно, выступают в качестве одной из стабильных доминант в исследовательском поле гуманитарного знания, но в последнее время в этом исследовательском поле явственно ощущаются новые акценты, которые связаны с раздвижением границ нашего понимания базовых категорий текста прежде всего на основе актуализации междисциплинарных стратегий научного поиска. В этой связи можно только приветствовать появление работы, автор которой делает удачную попытку применить антропоцентрический и коммуникативно-дискурсивный подход к исследованию стиля и языка современного отечественного писателя, работающего на стыке литературных направлений и жанров в той области, что принято называть «массовой литературой», а именно – Дмитрия Емца, получившего известность в качестве создателя жанра «хулиганского фэнтези».

Все вышесказанное позволяет не сомневаться в очевидной **актуальности** данного исследования, обусловленной научной и общекультурной значимостью антропоцентрически ориентированного и интердисциплинарного понимания феномена художественного текста, предлагаемого автором рецензируемого диссертационного исследования К.С. Чугуновой, в аспекте востребованной в современном гуманитарном знании проблемы интертекстуальности и интердискурсивности.

Исследование характеризуется существенной **научной новизной**, которая заключается в том, что в работе впервые творчество Дмитрия Емца подробным образом рассматривается именно в лингвистическом плане: исследуются существенные текстообразующие черты идиостиля Дмитрия Емца – интертекстуальность и афористичность – как составляющие элементы гетерогенного текста на стыке разных литературных направлений и жанров.

Диссертацию К.С. Чугуновой также отличает серьезная **теоретическая значимость**, которая обусловлена уточнением принципов анализа текста нового типа в рамках новых теоретических подходов к комплексному лингвистическому анализу текста. В этой связи очевидной представляется и **практическая ценность** работы, состоящая в том, что результаты исследования могут использоваться в вузовском преподавании лингвистики и стилистики текста, лингвистического анализа художественного текста и лингвопоэтики.

**Теоретическая значимость, актуальность и новизна** представленной диссертации не вызывают сомнения, поскольку работа открывает новые стратегии научного поиска в антропоориентированном исследовании общегуманитарных феноменов – художественного текста новой формации и представленных в нем индивидуально-авторской картины мира, идиолекта и идиостиля писателя.

Для решения поставленных задач в работе использовались описательный, сопоставительный и герменевтический методы, а также метод компонентного анализа. Отметим также солидную исследовательскую базу – произведения Дмитрия Емца, включённые в серии о Тане Гроттер и о Мефодии Буслаеве и публиковавшиеся с 2002 по 2016 годы, которую составили 33 романа и 2 сборника авторских афоризмов.

Соответствие теоретических установок исследования полученным результатам, анализ объемного теоретического материала по проблематике исследования, представительный корпус текстов для анализа, основательная выборка изучаемых языковых фактов, а также комплексный характер методики исследования обеспечивают **достоверность и обоснованность полученных результатов.**

**Структура диссертационного исследования** обусловлена внутренней логикой рассмотрения материала, связующего теоретическую и практическую части работы в единое целое, что отражает этапы реализации поставленных автором целей и задач. Композиция работы в целом отличается продуманностью и логической стройностью: диссертация состоит из введения, 3 глав и заключения и сопровождается библиографическим списком. Библиографический список включает 449 наименований (из них 30 работ на иностранных языках), включая 63 художественных текста – источников языкового материала и 42 словаря. Общий объем диссертационного исследования К.С. Чугуновой составляет 268 с. Работа также содержит 4 схемы и 11 таблиц в качестве иллюстративного материала.

**В первой главе диссертации «Идиостиль Д. Емца в контексте жанра фэнтези»** освещается исходный методологический аппарат исследования, приводится общая характеристика творчества Д. Емца в контекст современной социокультурной ситуации и литературных традиций, дается теоретическое обоснование концепции работы.

В параграфе 1 данной главы обстоятельно анализируются существующие в науке подходы к определению объема и содержания научного понятия «идиостиль»: рассматриваются системно-структурный, семантико-стилистический, коммуникативно-прагматический, когнитивный и другие подходы. На этой базе обосновывается комплексный подход к анализу идиостиля, объединяющего лингвистические и экстралингвистические факторы (с. 14). В параграфе 2 К.С. Чугунова характеризует экстралингвистические предпосылки формирования идиостиля Д. Емца, работающего в рамках фэнтези как многожанрового образования. Творчество этого писателя, по мнению автора диссертационного исследования, представляет собой сплав фэнтезийного и

реалистического начал и коррелирует с социокультурным феноменом *young-adult* и *kidult* (взрослые, не желающие взрослеть). Обосновывается лингвопрагматическая природа особого жанра «хулиганское фэнтези», основателем которого считается данный писатель: данный жанр справедливо связывается с установкой на «языковую игру» и на осознанное интертекстуальное взаимодействие по типу полемического отталкивания с текстами Дж. Роулинг о Гарри Поттере, выступающими как своего рода первоисточник для оригинальных творений Д. Емца. Продуктивно в научном плане выглядит использование идей современной лингвистической типологии текстов в 3 параграфе первой главы. Как обосновывает К.С. Чугунова, тексты Д. Емца относятся к «гибридному» типу текстов (с. 41). В качестве важного положения, представленного в выводах по I главе, отметим указание на то, что описание идиостиля Д. Емца представляется целесообразным «через определение доминант – значимых языковых элементов, конституирующих признаков, придающих текстам узнаваемое своеобразие» (с. 43). В качестве таковых выделяются такие черты идиостиля Д. Емца, как интертекстуальность и афористичность, подробный анализ которых дается, соответственно, в главе II и III главах исследования.

**Вторая глава диссертации «Интертекстуальность как конституирующий признак идиостиля Д. Емца»** содержит подробное и обстоятельное исследование лингвистических аспектов интертекстуальности в идиостиле Д. Емца. Последовательно рассматриваются номинативные интертекстони́мы (параграф 2), языковые средства выражения семантико-композиционной интертекстуальности (параграф 3), метатекстуальные и паратекстуальные включения в тексте Дмитрия Емца (соответственно, параграфы 4 и 5).

Очень интересный и перспективный в научном плане анализ разных типов интертекстони́мов, который сопровождается обобщением материала в удобной для восприятия графической табличной форме, опирается на теоретически важное положение, которое убедительно обосновано всем ходом анализа: «Постоянное соотнесение авторского культурного опыта с внутренним миром читателя, поиск определённой духовной общности на основе интертекстуальных связей мы можем наблюдать в текстах Д. Емца на примере используемых автором номинаций» (с. 48). Исследованы такие типы номинаций, как антропонимические (мифонимические) интертекстони́мы, интертекстони́мы волшебных (сказочных) существ, артефактные интертекстони́мы волшебного мира, топонимические (мифотопонимические) интертекстони́мы и идеонимические интертекстони́мы. В ходе анализа К.С. Чугунова аргументированно показывает направление художественных преобразований Дмитрием Емцом сигналов исходных пратекстов Дж. Роулинг, в результате которых создаются оригинальные и внутренне полемичные по отношению к первоисточнику интертекстуальные номинации: так, например, «Герман и Нинель Дурневы – зеркальные «двойники» Вернона и Петунии Дурсль: Герман худ, а Нинель очень толста, тогда как Вернон толст, а Петуния худа» (с. 56).

Также ценным в научном отношении представляется анализ не прямых интертекстуальных отсылок, разного рода аллюзий. К.С. Чугунова справедливо указывает: «В отличие от цитаты, аллюзия представлена рядом однословных единиц, которые не воспроизводят дословно конкретный текстовый фрагмент, а указывают на ситуацию, изображённую в претексте. Аллюзия связана с возникновением ассоциации с макроконтекстом претекста (сюжетом, композицией, персонажами, идейными и эстетическими установками автора и т.д.)» (с. 91). Автор рецензируемого диссертационного исследования рассматривает многочисленные интертекстуальные отсылки к претекстам западной, античной (и библейской), восточной культуры, с одной стороны, и к претекстам русской культуры – с другой. Здесь важно отметить выявленную автором диссертации установку на лингвокреативное ироническое обыгрывание исконных цитат, на игровое и карнавальное их переименование – ср., например, трансформированную цитату из Шекспира: «*О, рожь хитрая, коварство имя тебе*» (с. 96), или из Чехова: «*Если на сцене есть пушка, она должна бабахнуть*» (с. 98). Применительно к интертекстуальным отсылкам к претекстам русской культуры на многочисленных примерах доказывается верное предположение К.С. Чугуновой, высказанное на с. 98: «Интертекстуальные отсылки к прецедентным текстам русской культуры составляют самую многочисленную группу примеров. Это обстоятельство проясняет авторскую интенцию Д. Емца – доказать продуктивность русской культуры. Цитатные отсылки несколько преобладают по сравнению с аллюзийными, из чего можно судить о свободном авторском диалоге с другими текстами, при котором важна не столько точность цитирования, сколько узнаваемость цитат».

Также интересны фрагменты исследования, посвященные функциям метатекстуальных включений (прежде всего авторских примечаний) и паратекстуальных включений (предисловия, эпиграфы, оглавления), в которых Д. Емец «апеллирует к читателю, подсказывая тому будущий характер развёртывания текста, способ организации информации в тексте, выражая собственную авторскую интенцию» (с. 112).

В выводах по содержанию главы ценным в научном отношении представляется перечень функций интертекстуальности в идиостиле Д. Емца: К.С. Чугунова выделяет людическую, то есть игровую, комментирующую, референтивную, связанную с различной степенью актуализации читательского опыта, экспрессивную, апеллятивную, выражающую ориентацию на конкретного адресата, и поэтическую функции (сс. 116–117).

**В третьей главе исследования «Афористичность как конституирующий признак идиостиля Д. Емца»** последовательно рассматриваются явления словотворчества Д. Емца в аспекте лексических особенностей его идиостиля и явления его фразеотворчества, в том числе окказиональные авторские высказывания (соответственно, параграфы 1 и 2).

Автор диссертационного исследования в основном акцентирует свое внимание на явлениях словотворчества в области собственных имен, среди

которых можно выделить следующие пути окказиональной номинации: онимизация апеллятива (*Добряк, Олиго де Френ*), трансонимизация (*Фудзий*), гибридизация онимов (*Маланья Нефертити*), экспрессивная суффиксация (*Ягун*) и пр. Также активны и авторские неологизмы – нарицательные существительные, не онимического происхождения: *лопухойд, троезапяточные, оживленец* (с. 131).

Также важной чертой идиостиля Д. Емца, аргументированно показанной К.С. Чугуновой, выступает стилистическая контаминация как смешение в одном контексте слов и выражений высокого и низкого стиля – ср., например: «*Слова мои отлетают от ушей этого амбала, яко сухой горох от каменного строения*» (с. 130).

Применительно к анализу особенностей фразеотворчества Д. Емца отметим важные в научном отношении наблюдения автора диссертационного исследования о функционировании так называемых «преобразованных» фразеологизмов – см., например: «*В огне не горит, в спирте (вместо «в воде») не тонет...*»; «*Тогда не будем тянуть кота за аппендицит (вместо «за хвост»)!*» (с. 146), Особую роль играют так называемые «антипословицы», которые созданы посредством контаминации разных в структурном и семантическом плане пословиц: «*Одна голова лучше, а два сапога пара!*» (с. 152). Также интересны в этом плане построенные на игровом преобразовании узуальных фразеологизмов и паремий собственные авторские афоризмы Д. Емца, вошедшие в речевой обиход значительной части поклонников его творчества, особенно такие, в которых наблюдается полемическое, антитетическое переосмысление исходной фразеологической единицы: «*Деньги не пахнут, они воняют*»; «*Однако о вкусах не спорят. О вкусах дерутся*»; «*Любопытство не порок. Любопытство – болезнь...*».

По итогам проведенного исследования в данной главе К.С. Чугунова делает важный вывод, имеющий, по-видимому, не только собственно лингвистическое, но и культурологическое значение: «Авторская контаминация ФЕ также соответствует языковому духу нашего времени, когда носители языка легко смешивают в своей речи несколько ФЕ и так же легко узнают традиционные в чужих преобразованиях» (с. 164).

Проведенное исследование позволило автору рецензируемой диссертации сделать ряд ценных выводов о доминирующих стратегиях в преобразовании фразеологизмов: «При этом авторская языковая игра, обнаруживаемая в преобразовании и использовании ФЕ, не сводится только к каламбуру или иронии, а служит, в соответствии с авторской интенцией, средством построения новых серьезных смыслов в рождающемся тексте, соответствующем социокультурному феномену young-adult» (с. 165).

В заключении обобщаются основные результаты исследования, среди которых отметим, например, следующее положение: «Текст Д. Емца строится как «мозаика цитаций», аллюзий, интертекстонимов, многочисленных афоризмов и прочих прецедентных включений, которые

создают своеобразную диалогичность между собой, собственно авторским текстом и читателем, выполняя дейктическую функцию» (с. 178).

В целом отметим, что диссертационное исследование К.С. Чугуновой, вне всяких сомнений, состоялось в качестве оригинального и глубокого научного исследования, обогащающего традиционные представления о принципах анализа индивидуального стиля писателя с позиций теории интертекста и «лингвистики креатива».

Однако при общем благоприятном впечатлении, которое производит работа, нельзя не отметить некоторые аспекты исследования, вызывающие некоторые сомнения и требующие, на наш взгляд, разъяснения и уточнения.

1. В традиционных подходах под «гибридным текстом» понимается текст с элементами других семиотических систем (живописи, анимации и пр.) или текст с элементами гипертекстовой организации. Но ни того, ни другого в текстах Д. Емца нет. Если же считать признаком «гибридности» наличие интертекста, то тогда все тексты получаются «гибридными» (нет художественных текстов, в которых не было бы элементов интертекста). Таким образом, в целом не возражая против использования понятия «гибридный текст» применительно к текстам Д. Емца, хочется, чтобы автор подробнее разъяснил, какие именно классификационные признаки делают текст «гибридным»?

2. Имеются определенные вопросы к логике композиционного распределения материала исследования. Как нам представляется, слишком широко и неопределенно в диссертации толкуется ключевое для нее понятие «афористичности». Неясно, почему яркие и неожиданные фразы, имеющие окказиональный характер, считаются афористичными. Напротив, они, скорее, так сказать, «для индивидуального пользования», а не для широкого распространения в речевой практике социума. Спорным в этой связи выглядит следующее утверждение К.С. Чугуновой: «Афористичность всегда подразумевает печать окказионального на себе» (с. 24). Поэтому вызывает сомнение присутствие именно в главе, посвященной афористичности, представленного в параграфе 1 раздела, в котором рассматриваются особенности словотворчества – онимизация, трансонимизация и пр., где в принципе ни о какой афористичности вообще речь не идет, потому что анализ осуществляется на уровне слова, а не клишированной фразы? Иными словами, почему словотворчество – это афористичность?

3. Вызывают сомнение некоторые классификационные решения автора. Так, на с. 50 и далее приводится интересный материал о «говорящих именах» типа *Депрессняк*, *Пельменник* и т.д. Необходимо пояснить, почему такой, вообще распространенный в художественной литературе класс онимов, как «говорящие имена» (см., например, Скотинин и Простакова у Д. Фонвизина, а также тексты многочисленных басен и пр.), относятся к интертекстонимам, когда они создаются автором без опоры на какой-либо претекст или иной культурный источник? Почему, например, к интертекстонимам относится сугубо авторский неологизм *лопухойд* (с. 51)? И если мифоним *лопухойд* все-таки интертекстоним, тогда почему в пределах одного фрагмента анализа в

класс авторских интертекстонимов – собственных имен попадают окказиональные авторские нарицательные имена (с. 51 и далее)?

4. Спорной представляется квалификация отдельных частных языковых примеров из текстов Д. Емца. Так, в таблице 8 на с. 75 оборотни квалифицируются как отсылка к западной культуре, а на с. 76 – те же оборотни относятся к русской культуре. Неясно, почему *привидения и оживающие мертвецы* – это отсылка только к западной культуре, а *русалки*, напротив, – только к русской? Почему *Пятчок* (таблица на с. 76) – отсылка к русской культуре? Совершенно непонятно также, почему на с. 149 трансформированная ФЕ *Меньше знаешь – быстрее растёшь по службе* (на базе исходной *Меньше знаешь – крепче спишь*) возводится к библейскому источнику *Во многих знаниях многие печали*?

Вышеперечисленные вопросы и замечания вызваны интересом к проблематике настоящего диссертационного исследования и не затрагивают его концептуального содержания.

Внушительность выводов, полученных К.С. Чугуновой, несомненная теоретическая значимость предложенной ей методики анализа разнотипных интертекстуальных включений, убедительность интерпретации репрезентативного корпуса языковых единиц и текстовых фрагментов, а также очевидность практической значимости исследования, дают основание считать, что все положения, выдвинутые на защиту, получили содержательное раскрытие в тексте диссертации.

Диссертация написана автором самостоятельно, обладает несомненным внутренним единством, содержит значительные новые научные результаты. В частности, в работе впервые осуществлен комплексный анализ идиостиля современного писателя Д. Емца, выявлены доминанты его идиостиля – интертекстуальность и афористичность, а также установлены функции ведущих стилеобразующих и текстообразующих средств в языке художественной прозы писателя, что составило существенный **личный вклад** К.С. Чугуновой в разрешаемую автором проблематику.

Работа К.С. Чугуновой является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей существенное значение для теоретической и описательной лингвопоэтики, теории и практики комплексного филологического и собственно лингвистического анализа художественного текста, лингвистики и стилистики текста.

Автореферат и 11 публикаций автора, среди которых 6 публикаций значатся в изданиях, рекомендованных ВАК, с достаточной полнотой отражают содержание исследования. Полученные К.С. Чугуновой научные результаты соответствуют паспорту заявленной специальности 10.02.01 – русский язык.

Диссертация «Языковые особенности идиостиля в художественной прозе Дмитрия Емца», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям,

установленным пп. 9, 10, 11, 13, 14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор, Ксения Сергеевна Чугунова, заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

31.01.2018

### ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОППОНЕНТ:

Радбиль Тимур Беньюминович,  
доктор филологических наук  
(специальность 10.02.01 – русский язык),  
профессор, профессор кафедры  
современного русского языка и общего  
языкознания Института филологии  
и журналистики ФГАОУ ВО  
«Национальный исследовательский  
Нижегородский государственный  
университет им. Н.И. Лобачевского»



Тимур Беньюминович Радбиль

Институт филологии и журналистики ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

адрес: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, дом 23;  
телефон: 8 (831) 433 82 45;  
сайт: <http://www.unn.ru>

Тимур Беньюминович Радбиль  
адрес: 603163, г. Нижний Новгород, ул. Александра Хохлова, д. 1, кв. 86;  
мобильный телефон: +7 903 040 4906;  
домашний телефон: +7 (831) 212 75 26;  
e-mail: [timur@radbil.ru](mailto:timur@radbil.ru)

